

Старый город имперской столицы, старинная лапшичная после закрытия.

— Мелкий гадёныш, сегодня я прочищу тебе мозги, — Лян Мо, брезгливо поморщившись, тащил за собой бесчувственного, мертвецки пьяного Лань Юньцзэ.

— Босс, у Сяо Цзэ рана на голове...

— Босс, он ведь еще совсем юный, не понимает, что творит...

— Юный? Ха! — Лян Мо, прикусив сигарету, насмешливо приподнял губы. Его лицо, прекрасное, как с картины, с нежной розовизной губ и соблазнительной слезной родинкой у глаза, казалось обманчиво мягким, но в узких фениксовых глазах застыл ледяной холод.

— Мы... мы тогда пойдем, смена окончена, — двое официантов, дрожа от страха, поспешили опустить рольставни и поскорее скрыться.

Лян Мо прижал Лань Юньцзэ к раковине и открыл кран.

Очнувшись, Лань Юньцзэ почувствовал, как чья-то рука топит его в воде. Жидкость заливала рот и нос, проникая в дыхательные пути. Он инстинктивно забился, разбрызгивая воду во все стороны. Лицо и лоб жгло, словно огнем.

Кхе-кхе!

Боль. Невыносимая, острая боль. Неужели он умирает? Нет! Он — полководец великой династии Хань, он может пасть в бою, но не сдаться в плен!

Лань Юньцзэ, задыхаясь от кашля, распахнул глаза и резко вскинул голову.

— Дерзость!

Он стремительно выбросил руку, перехватил запястье обидчика и, применив технику перенаправления силы, отшвырнул его в сторону. Мгновенно вскочив и сгруппировавшись, словно леопард, он с убийственным блеском в глазах прорычал:

— Бесстыдные разбойники, сегодня ваш смертный час!

В следующую секунду в глазах поплыло, мир завертелся в калейдоскопе огней. Лань Юньцзэ замер. Разве он не сражался с японскими пиратами, не был пронзен множеством стрел и не погиб на поле брани? Где это он? Стены гладкие, свет яркий, как от полуденного солнца, — неужто это жемчужины ночного сияния?

Неужели это чертоги Яньло-вана в преисподней? А человек напротив — один из десяти владык ада?

Лян Мо, застигнутый врасплох, едва удержался на ногах. Его фениксовые глаза слегка расширились от изумления. Этот непутевый сопляк, этот никчемный бездельник в одно мгновение источал такую жажду крови, какую не встретишь у обычного человека. Опираясь на одну руку, Лян Мо ловко перевернулся и твердо встал на ноги.

— Твою мать, ты что, жить надоело? — Лян Мо, не выпуская сигарету изо рта, с прищуром оглядел Лань Юньцзэ, который сидел на полу, ошарашенно хлопая глазами.

Увидев Лян Мо, Лань Юньцзэ невольно залюбовался. Овальное лицо, брови словно нарисованные, фениксовы глаза, алая родинка в уголке — в гневе он был прекрасен, в раздражении — притягателен. Словно парящий лебедь или грациозный дракон. Красота этого человека была воистину потрясающей. Будь он женщиной, несомненно, стал бы первой красавицей Поднебесной. Но мужчина с такой женственной внешностью... кто знает, дар это или проклятие?

Лань Юньцзэ с трудом поднялся. Место было до крайности странным, но у него был императорский приказ, он обязан был вернуться ко двору. Смущенно кашлянув, он сложил руки в приветственном жесте:

— Прошу прощения, господин, где я нахожусь?

Лян Мо молчал.

— Меня зовут Лань Юньцзэ. Я обязательно вознагражу вас за спасение, но не подскажите ли, какой это ямэнь?

— Спаситель? — Лян Мо дернул щекой, наблюдая за изысканными манерами собеседника, и почувствовал неладное. Он подался вперед, грубо схватил Лань Юньцзэ за подбородок и с насмешкой бросил: — Мелкий гадёныш, тебе что, надоело притворяться суицидником и страдать амнезией, решил податься в попаданцы? Где скрытая камера?

Лян Мо можно было понять: Лань Юньцзэ вечно устраивал дурацкие розыгрыши, сходя с ума от желания прославиться в прямых эфирах.

Лань Юньцзэ подумал про себя: этот иноземец, хоть и прекрасен, но совершенно лишен манер. Сам он с детства изучал учение Конфуция и Мэн-цзы, всегда был благородным мужем, как же он может позволить обращаться с собой, словно с мальчиком-фаворитом?

— Как вы грубы, — Лань Юньцзэ нахмурился, с силой оттолкнул руку Лян Мо и, глядя на него ясными, холодными глазами, произнес: — Я не из тех, кто склонен к порочным связям, прошу

вас, проявите уважение.

Лян Мо насмешливо фыркнул. Его улыбка была яркой, как персиковый цвет, но слова — ледяными:

— Перед тем как старик Лань отдал концы, мы с тобой расписались. Если бы ты не был его сыном, которому он меня поручил, я бы даже не притронулся к тебе — противно.

Лян Мо протянул палец и, холодно усмехаясь, провел им по губам Лань Юньцзэ. Он дал слово старику заботиться об этом парне до двадцати пяти лет, а когда срок выйдет — кто будет разбираться, жив он или мертв?

<http://bllate.org/book/20007/1973865>